

УДК 821.161.1

**КУТУЗОВ И РЫЛЕЕВ: ЧТО ЗНАЧАТ ЭТИ ИМЕНА
В ВАРИАНТЕ СТРОФЫ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»**

Никишов Ю.М.

Судьба Онегина включила разные этапы духовного развития героя: светский денди, человек с преждевременной старостью души, человек околодекабристского круга. Декабристская тема в романе включена в печатный текст как звено биографии автора и подкреплена серией прямых и косвенных деталей. Роман с самого начала разворачивался как произведение с открытым временем: художественное время перекликалось с временем историческим. Эта тенденция крепла. Роман о современности превращался в исторический роман о современности.

Ключевые слова: Пушкин, декабристы, духовное развитие, открытое время.

**KUTUZOV AND RYLEEV, WHAT THESE NAMES MEAN
IN THE VERSION OF THE STANZA IN “EUGENE ONEGIN”**

Nikishov Y.M.

The fate of Onegin includes different stages of spiritual development of the hero – a secular dandy, a man with an early old soul, and a man around the Decembrist circle. The Decembrist theme is included in the novel printed text as a link of the author’s biography and is backed by a series of direct and indirect details. From the very beginning the novel is developed as a work with opened time, i.e. the artistic time interacts with the historical time. This trend became stronger. The novel about modernity turned into a historical novel about modernity.

Keywords: Pushkin, Decembrists, spiritual development, opened time.

Ленский, погибший в юности на дуэли, по молодости ничего приметного не успел совершить. А все-таки, прощаясь с героем, А.С. Пушкин счел необходимым поразмышлять, что с ним могло бы случиться. И набрасываются две

строфы, рисующие прогнозы контрастные: героический («Быть может, он для блага мира / Иль хоть для славы был рожден...» [7, с. 116]) – и заурядный («А может быть и то: поэта / Обыкновенный ждал удел» [7, с. 117]).

Сохранился вариант «героической» строфы (без двух последних строк): он конкретнее, для сравнения дает отсылки к историческим именам:

*При громе плесков иль проклятий
Он совершить мог грозный путь,
Дабы последний раздохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов иль Нельсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев [7, с. 452].*

Не слишком ли много выдано Ленскому? И к чему гадания, которые заведомо пройдут, по смерти героя, впустую? Но любопытству поэта пределов не поставлено, ему интересно даже несбыточное, если оно помогает понять сущее. К тому же не этот персонаж – заглавный герой пушкинского творения, а таковой, его бывший друг и – увы – невольный убийца, продолжает жить. Прогноз рикошетом задевает именно его.

В «Путешествие в Арзрум» Пушкин включает размышление, которое чем необычнее, тем впечатляюще: «Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерской ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в "Московском телеграфе"» [8, с. 451-452]. Возникают вопросы. Оставляет ли поэт весьма нелегкую задачу на перспективу новым поколениям художников или опирается на свой уже опробованный опыт? Как угадать непроявленные способности человека? И это тогда, когда и явленные способности далеко не всегда находят признание! Для Пушкина и необычное предстает закономерным. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин доводит эту позицию до предельного заострения.

Гипотетические размышления Пушкина о несбывшихся вариантах судьбы Ленского – практическое руководство этим принципом и образец для читателя в необходимых размышлениях о судьбе Онегина.

Когда доводится выходить на связь искусства с жизнью, мы наталкиваемся на парадокс колоссального значения: искусство держится на вымысле, а служит средством познания жизни.

В художественном произведении время обязательно дозировано, хотя вмещает разное – и всю жизнь человека и, бывает, всего лишь один эпизод из жизни. В восприятии время пульсирует, убыстряется и замедляется; психологическая подоплека понятная: в сознании опаздывающего человека время мчится стремительно, но в ожидании тянется томительно медленно. Память позволяет пережитое повторить заново; тут исправить ничего нельзя, но по-новому расставить оценочные акценты вполне можно.

Особый интерес может представлять, осуществляется или нет какой-либо контакт вымышленного повествования с реальной жизнью, само собой, автономно текущую за его пределами. В зависимости от такого выбора художника Д.С. Лихачев различает произведения с «открытым» или «закрытым» временем [4, с. 214].

«Евгений Онегин» – произведение с "открытым" временем (а лучше сказать – с хронотопом) с самого начала, буквально со второй строфы, и до конца: и параллельно с сюжетным временем, и с пересечением с ним включаются исторические детали – "гулял" на берегах Невы автор, развертывал свою пеструю панораму волшебный край реального столичного театра и т.д. С самого начала проявляется исторический фон. Одно впечатление, если бы изображению героя сопутствовало суммарно-обобщенное (пусть даже и с отдельными индивидуальными штрихами) воспроизведение фона: кокетки записные, блаженные мужья (супруг лукавый, недоверчивый старик, рогоносец величавый), модные жены и модные чудаки, причудницы большого света и т.п. Другое впечатление, когда этот фон конкретизируется: берега Невы, Летний сад, Невский проспект (бульвар), Охта, Мильонная; Чаадаев и Каверин; Фонвизин,

Княжнин и Шаховской; Озеров и Семенова; Истомина и Дидло; Дельвиг и Вяземский. Многочисленные имена собственные задают определенный тон повествованию, благодаря которому становится конкретным, "историчным" и бытовой фон: белые ночи Петербурга, белокаменная Москва со стаями галок на крестах, пыльная Одесса, пейзажи всех времен года северных районов среднерусской полосы, Волга, Кавказ и Крым – все это изображено с полной определенностью и (потом!) послужит компонентом реалистической природы пушкинского романа.

Произведения с открытым временем охотно прибегают к закрытому обозначению времени, часто отталкиваясь от соседних событий. Татьяна написала письмо Онегину. «Но день протек, и нет ответа. / Другой настал: всё нет, как нет» [7, с. 64]. Для частного случая этих указаний достаточно; датировка мелких событий в линию не встраивается (встретятся противоречия), но педантизм излишен. Пушкин даже продекларировал выбор «открытого» времени. Он отметил в предисловии, публикуя первую главу: «Она в себе включает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года...» [7, с. 427]. Значение этой привязки вымышленного повествования к историческому времени невозможно переоценить.

Поэт не мог знать, какое значение обретет уточнение датировки (глава вышла в свет 15 февраля 1825 года): конец 1819 года в его тогдашнем понимании был годом обыкновенного течения жизни. Это задним числом, для просвещенных читателей, время обрело историческую значимость: тогда, легально и нелегально, активно действовали декабристы. Только сами декабристы в ту пору еще не знали, что они декабристы. Название им дало событие 14 декабря 1825 года. Знания, полученные задним числом, могут сильно модернизировать понимание предшествующих событий. В то время только изнутри можно было судить о масштабах и общественном значении этого движения. Справедливо замечает Л.Г. Фризман: «...Место декабристов в русской литературе определилось лишь после 1825 года. Только после

восстания стало возможно осмыслить их историческую роль, дать целостную характеристику декабризма как общественного движения» [11, с. 10].

Творческая история «Евгения Онегина» уникальна: обширное повествование начато без предварительно проработанного плана. Роман в стихах был в работе десять лет, начиная от первых двух черновых глав (1823) и кончая выходом в свет первого полного издания романа (1833). Можно ли представить картину, как динамично развивающийся Пушкин вымучивает концовку, придуманную десять лет тому назад! На деле никакой усталости, та же свежесть дыхания. Произошло это потому, что и роман развивался вместе с поэтом, создавая новую интригу, которую интересно было осмысливать.

Очевидное: Пушкин начинает повествование о молодом герое, который «измлада» стремится к жизни, которая предназначена ему по его социальному положению, и вполне успешно окунается в нее, только неожиданно разочаровывается в ней.

Как долго вел герой светскую жизнь? Ответ **не очевиден**. В первой главе возраст героя указан точно: «Всё украшало кабинет / Философа в осмнадцать лет» [7, с. 16]. Но это стертое обозначение, возраст совершеннолетия, начало светской жизни. А сколько ее досталось на долю Онегина? Всего ничего! «...рано чувства в нем остыли...», «Красавицы **не долго** были / Предмет его привычных дум» [7, с. 21] (здесь и далее полужирным шрифтом выделено мною, авторские выделения даются курсивом – *Ю.Н.*). И совсем четкое: поэта и его героя «ожидала злоба / Слепой Фортуны и людей / **На самом утре** наших дней» [7, с. 24]. Но «утро» и есть восемнадцать лет, обозначение начала самостоятельной жизни (следующая возрастная веха – «полдень», тридцать лет). А тут с усилением – «на **самом утре**».

По первой задумке поэту был нужен принципиально молодой герой. В предисловии к изданию первой главы включалось странное уведомление: «Станут осуждать и антипоэтический характер главного лица, сбивающегося на Кавказского Пленника...» [7, с. 427]. Глава еще только отправляется к

читателю, неизвестно, будет ли замечено сходство героев, а поэт пишет об этом сам: это «сбивается» на прямую подсказку.

Впрочем, кажется, что отсылка к поэме «Кавказский пленник» не слишком внятно объясняет Онегина, поскольку разочарованность Пленника, а особенно его холодность перед пылкой любовью черкешенки и смутная тоска по прежней жизни, в которой вроде бы не на что опереться, показаны весьма неотчетливо. И все-таки характер Пленника объяснен Пушкиным прямо и четко, пусть не в поэме, а в письме В.П. Горчакову: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века» [9, с. 42]. Возрастная аномалия противоестественна и остается загадочной. Пушкин видит здесь явление, характерное «для молодежи 19-го века», может быть, даже преувеличивая распространенность такой странности.

Вот истинное истолкование **причины** хандры Онегина. Ответ неполон, поскольку возбудитель болезни не указан; зато диагноз поставлен предельно четко. Яснее сказать и затруднительно, поскольку речь идет о явлении как будто самозарождающемся и в силу этого беспричинном, внезапном.

Пояснение того, что значит «преждевременная старость души», найдем в лицейской лирике Пушкина с осени 1816 по весну 1817 года: такое состояние было пережито самим поэтом. Происходило нечто неожиданное и страшное. В сознании молодого человека исчезает средняя часть жизни, начальная с конечной соединяется напрямую! Так в «Стансах (Из Вольтера)»: «Ты мне велишь пылать душою: / Отдай же мне минувши дни, / И мой рассвет соедини / С моей вечернею зарею!» [5, с. 220]. А вот восклицание в послании «Князю А.М. Горчакову» (1817): «Твоя заря – заря весны прекрасной; / Моя ж, мой друг, – осенняя заря» [5, с. 225].

Приближавшееся окончание Лицея и расставание с друзьями помогли Пушкину справиться с неприятным состоянием, но само явление запало к нему в душу; художнику захотелось разобраться с ним посредством вымышленных героев, сначала Пленника, потом Онегина. Но будем откровенны: такое

состояние обоих героев более декларируется поэтом за пределами текста, чем непосредственно изображается.

Суть чрезвычайно существенной особенности пушкинской манеры повествования, назовем ее альтернативной, состоит в том, что намечается не единственное (даже если это реальное, истинное) объяснение, но, рядом с ним, еще серия объяснений возможных, даже если они менее вероятны. Открывается путь увлекательных раздумий, которые вооружают читателя знанием души человеческой; размышления о судьбе героя обогащают опыт, превращаются в способ самопознания.

Отметим и еще один творческий принцип поэта. Пушкин в полемике с Вяземским по поводу концовки «Кавказского пленника» заявляет: «не надобно всё высказывать – это есть тайна занимательности» [9, с. 47]. Итоговые решения не преподносятся готовыми, путь к истине читатель приглашается проделать самостоятельно. Высказывал бы автор «всё», исчезал бы повод для многих споров; только ведь соответственно усыхал бы и читательский интерес.

Сложилась любопытная ситуация. Разочарование героя в светском образе жизни объяснено автором резко, категорически – преждевременной старостью души. Определение состояния тоже дано Пушкиным, только в другом тексте, но описание ему полностью соответствует. Как иначе понимать героя, если чувства его остыли «рано», а красавицы пленяли «не долго»? Но в той же строфе сказано и совсем другое: «Измены утомить успели; / Друзья и дружба надоели...» [7, с. 21]. У Пушкина «правильный» ответ **соседствует** с альтернативным! А ведь это принципиально иная мотивировка хандры Онегина – пресыщенность. Две мотивировки несовместимы и даны на выбор. И получается: фундамент закладывается с запасом, он позволит выстроить здание с другим архитектурным решением.

2 октября 1824 года Пушкин закончил в черновике третью главу «Евгения Онегина». На том же листе [10, л. 20 об.] он наметил полторы строки для главы четвертой: «[Я знаю:] {вы ко мне} писали / [Не отпирайтесь –]». В конце октября он посылает Плетневу для публикации первую главу романа. Черновик

стихотворной вставки в сопровождающее письмо написан в той же тетради; несколько листов ее уже заполнены черновиком четвертой главы.

В печатном тексте четвертая глава романа в стихах начинается солидным рядом цифр, означающих пропущенные строфы. Строфы эти известны, а четыре из них были даже поэтом напечатаны в журнале именно как отрывок из «Евгения Онегина». Это – авторский монолог, обличающий легковесные нравы светского общества; VII строфа, текстуально начинающая главу, – его завершение. Удостоверив солидарность героя с этими размышлениями, поэт вторично (в сжатой форме) излагает предысторию Онегина, отмечает волнение, охватившее героя при получении письма Татьяны, и приглашает читателя в сад, где произошла встреча героев.

VI том Большого академического издания, где собраны все сохранившиеся варианты и где есть раздел «Варианты черновых рукописей», искажает композиционную структуру начального текста. В томе напечатан «вариант», который подражает печатному тексту, но которого **не было** в тетрадях Пушкина: это сконструированная на основе черновика первичная (созданная не автором, а издателями) беловая рукопись, ориентированная на окончательный текст (варианты представлены подстрочными сносками). Этот произвол редакторов особенно чувствителен именно в подаче главы четвертой.

Пушкин начинает работу, как задумал, с сюжетного эпизода, со сцены свидания. Монолог Онегина в печатном тексте начинается только XII строфой. Именно эта (ставшая потом двенадцатой!) строфа **начинает** черновик главы.

Но излагается эпизод не повествовательный, он содержит исповедь героя. Эпизод оказался очень трудным для исполнения. В окончательном тексте монолог Онегина состоит из пяти строф. В черновике таких (необработанных) строф намного больше, текстуальные различия весьма велики. Здесь не будем касаться всех изменений; начало главы фактически написано заново. Выделим только одно, важнейшее изменение, оно закрепляется в печатном тексте: «Вот как убил он восемь лет, / Утрата жизни лучший цвет» [7, с. 69]. (Указание будет учтено, когда придет пора позднейшей пометы: «Дожив без цели, без трудов /

До двадцати шести годов...» [7, с. 146]; таким Онегин предстает к началу путешествия). «Восемь лет» – это совсем не то, что «не долго» в первой главе. В четвертой главе – не случайная обмолвка, а результат серьезного переосмысления всей биографии героя. Фактически дана новая мотивировка хандры Онегина. Теперь получается, что хандра настигла Онегина в двадцать пять (около двадцати шести) лет; это ближе не к «утру» («самому утру»!), а к «полудню» жизни. Акцент переносится на более естественный, долгий путь развития героя, финалом которого становится пресыщенность.

Особо отметим, что изменений в биографии Онегина потребовали не внешние обстоятельства: это результат углубления поэта в характер героя. Но и внешнего повода для изменений в понимании героя долго ждать не пришлось.

Четвертая глава «Онегина», напомним, была начата в октябре 1824 года и писалась на протяжении всего 1825 года, впрочем, уступая приоритетное место в занятиях Пушкина «Борису Годунову». Закончена глава (в черновике) 3 января 1826 года. Последние ее строфы внесены в тетрадь уже после получения известия о трагедии на Сенатской площади.

Пушкин попал в наитруднейшие обстоятельства. В новом свете перед ним предстало само время, в том числе его собственное вольнолюбие, да и все прожитые им почти десять лет. При этом одно дело – приходить к каким-то собственным заключениям, совсем другое – получить возможность опереться на них в своем творчестве: сама декабристская тема попала под строжайший запрет. Пушкин сумел совершить невозможное.

Во-первых, поэт надеется, что вдумчивый читатель сможет самостоятельно сделать логически напрашивающиеся выводы; не обязательно показывать следствие, если показана причина; следствие 1812 года – год 1825. Общациональное единение в Отечественной войне под натиском аракчеевщины слабело. Кого-то это устраивало, кого-то раздражало, в декабристах же возбуждало протест, поднимало их на борьбу за отмену крепостного права. В седьмой главе, воспользовавшись сюжетным ходом (приездом Лариных на ярмарку невест), поэт воспел подвиг Москвы,

посрамившей гордого завоевателя. Пусть это слабый аргумент в пользу освещения декабристской темы в романе, но он добавочный, не единственный.

Во-вторых, Пушкин воспользовался тем, что в романе активен образ автора. Восьмая глава начинается развернутым портретом музы поэта, которая здесь принимает лик героинь пушкинской поэзии. В III строфе она предстает Свободы гордой певицей, причем отмечается, что «молодежь минувших дней / За нею буйно волочилась» [7, с. 143], а поэт «гордился» своей ветреной подругой. Это было давно, да говорится-то об этом на рубеже 1830 года! Вопреки всяким цензурным притеснениям Пушкин прямо и дерзко высказал то, что переполняло его душу, и что не высказать он не мог. Нужно понять и продолжение: «Но я отстал от их союза / И вдаль бежал...» [7, с. 143]. Не зачеркивает ли строка самый пафос строфы третьей, свидетельствуя о преходящем характере вольнолюбивых настроений поэта? Нет, Пушкин восстанавливает действительно пережитое состояние добровольного бегства, а не насильственной ссылки и напоминает о периоде кризиса (1823 – начало 1825 гг.), о тактических разногласиях с декабристами; поэт и в данном случае «строк печальных» не смывает. Мужественная и честная строка IV строфы воссоздает реальный факт биографии, без ретуши. Доказывает это третье звено – в концовке главы: в нем не было бы надобности, если бы близость с декабристами осталась только в прошлом.

Восьмая глава заключена в кольцевую рамку авторских размышлений. Начинаясь развернутым поэтическим автопортретом, глава заканчивается теплым лирическим прощанием Пушкина и с читателями, и героями, и любимым литературным трудом. Особо поэт вспоминает сибирских узников.

Иных уж нет, а те далече,

Как Сади некогда сказал.

Без них Онегин дорисован [7, с. 163-164].

Фраза выносилась Пушкиным эпиграфом к поэме «Бахчисарайский фонтан»: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече. *Сади*» [6, с. 131]. При обработке фразы в

поэтическом тексте «Евгения Онегина» произошли существенные изменения. Эпиграф конкретен. «Странствуют» импонировало «странствовавшему» Пушкину поры «Бахчисарайского фонтана» и отброшено как утратившее смысл в последекабристскую эпоху. В онегинском варианте эпиграф читается не иначе, как именно декабристский намек: «Меланхолическое изречение Сади... проникается современной политической трагедией и напоминает о кронверке Петропавловской крепости и нерчинских рудниках» [2, с. 375].

Декабристы (пусть не в полном объеме Пушкин разделяет их воззрения и поступки) до конца останутся для него «друзья, братья, товарищи». Он не устанет умолять об амнистии для каторжников, поставив эту, казалось бы, частность себе в заслугу в «Памятнике».

Пушкин (не только его исследователи) попал в затруднительное положение, когда сделал временную подвижку в произведении с «открытым» временем. По первому замыслу поэта, жизнь Онегина никак не проецировалась на события Отечественной войны. В контексте первой главы герой просто молод, он не мог бы участвовать в войне по малолетству. Но никакой возраст не препятствовал, чтобы историческое событие формировало личность; воспитанный на преданиях об Отечественной войне Герцен был ее ровесником, воспевший героев Бородина (и поставивший их в укор новому поколению) Лермонтов был двумя годами моложе события. Но этой темы нет в начальных главах романа Пушкина, потому что герой был задуман не как общественный человек, но только как психологический тип, и герою с преждевременной старостью души было как-то безразлично, какое время на дворе.

В четвертой главе биография героя (естественно, за счет отбрасывания старта светской жизни героя в прошлое) удлиняется. Теперь, если исходить из бытового правдоподобия, героический 1812 год входит в зону сознательной жизни героя: получается, что Онегин начал светскую жизнь в 1811 году.

В.А. Кошелев отмечает лакуну в прорисовке биографии героя: «О каком-либо участии Онегина в Отечественной войне в тексте первой главы прямо не сказано, – как не сказано и о его неучастии... Просто эта сторона его

биографии в 1823 году была автору не интересна и ничего не добавляла в его характере». Констатация верная, чего нельзя сказать про ее объяснение: «Да и само отношение к прошедшей войне и к "защитникам Отечества" в начале 1820-х гг. еще не обросло достаточной "мифологией"» [3, с. 217]. Пушкин «мифологизации» события не ждет, он сам к этой акции причастен.

Пробел в биографии Онегина, как он реагировал на события войны, заполнить невозможно: никаких пушкинских знаков для этого нет, любые гипотезы были бы нашим дописыванием романа. Надо полагать, Пушкин, удлиняя биографию героя в четвертой главе, по-прежнему исходил исключительно из психологических мотивировок. Проекция судьбы героя на реально-историческое время, конкретно на 1812 год, никак не входила в творческую задачу поэта, близость начала светской жизни героя к событиям Отечественной войны оказалась случайной и не имеет маркирующего характера (в этом эпизоде – и в это время – нет сверки с календарем). Но все-таки, учитывая степень вероятности, не будем делать предположений, роняющих престиж Онегина, такого типа: начиная самостоятельную светскую жизнь в зоне исторического 1812 года, Онегин проявляет себя не как патриот, но всего лишь как паркетный шаркун. Учтем еще, что Онегин – не устроитель, а всего лишь участник светской жизни, а само изображение ее в романе соответствует устойчивому, обыкновенному, «мирному» характеру, ничуть не корректируется особенностями исторического (в данном случае – военного или предвоенного) времени.

С не меньшей уверенностью можно утверждать, что такая задача встала перед Пушкиным, когда он оканчивал роман. Вводя в повествование тему героической Москвы 1812 года, Пушкин делает это от своего лица, в форме ассоциативного так называемого «лирического отступления». С судьбой героя авторское рассуждение никак не связано. Вносить какие-то изменения в биографию героя теперь было бы не очень удобно: это означало бы возвращение к предыстории Онегина, поправляя ее, уже в третий раз.

В идейном плане поэт сделал упор на переключку эпох. Он воспел героическую Москву 1812 года (с подспудным вопросом: а что потом?). Изображая героя, Пушкин пошел другим путем, не оглядываясь на (в общем-то, неприглядное в этом плане) его прошлое. Но вновь подчеркнем: пушкинский герой – только временный баловень успехов в вихре света и недолго побывавший в положении человека с преждевременной старостью души, он – отступник света, сделавший себя сам. После трагедии 14 декабря и обнаружения предшествовавшего заговора, завершая роман, дорисовывая героя, Пушкин видит в Онегине **человека околodeкабристского круга**.

Онегина никуда не нужно двигать (на пределе – задним числом – зачислять его в декабристы). Общественное движение эпохи, завершившейся 14 декабря, было широким: оно включало отнюдь не только сотню с небольшим непосредственных участников тайных обществ. «Легальных вольнодумцев» было намного больше, и среди них – сам Пушкин, его друг Вяземский (названный красноречиво «декабрист без декабря»), Грибоедов. Онегин – фигура не столь крупная, это тип массовидный, и, тем не менее, это личность незаурядная. Куда он качнется, что с ним станет – все это вопросы большой важности: это показатель общественного тонуса, глубины, на которую проникает оппозиционное движение.

Чтобы стать декабристом, нужно было иметь многое, а, по крайней мере, определенные политические убеждения, деятельную силу характера, осознанность цели. Имелось ли все это в Онегине?

На первую часть вопроса ответим утвердительно. Даже, несмотря на скептицизм Онегина, налицо близость его к либеральным политическим идеям своего времени. Одна только забота о крестьянах в своем имении красноречива.

Сложнее ответить на вторую часть вопроса. Очень уж он русский барин, Онегин. «...Труд упорный / Ему был тошен...» [7, с. 23]. Он может зевать целый день, испытывая от этого некоторые неудобства, но, не испытывая страданий. «Необузданные страсти» сжигают его изнутри, внешне герой

малоактивен. От апатичного и вялого человека трудно ждать решительных действий.

И все-таки дальнейшая судьба Онегина представляется не безусловной, а именно обусловленной. Перед конечными точками есть еще промежуточные, и от выбора промежуточных зависит тот или иной результат. Путь обновления характера ему не заказан: мы порой и на страницах романа видим героя жизнедеятельным. Даже в светской жизни он стремителен, хотя эта стремительность и автоматизирована: «К *Talon* помчался», «Онегин полетел к театру», сравнительно медленно «домой одеться едет он», зато на бал снова скачет «стремглав в ямской карете» [7, с. 13, 14, 16, 17]. Онегин стремителен не только с помощью извозчиков: «Швейцара мимо он стрелой / Взлетел по мраморным ступеням...» [7, с. 18]. Видимо, условие – обретет ли Онегин цель высокую, гражданскую или она окажется недостижимой для него, и станет решающим на гипотетическом этапе духовной эволюции героя.

Пушкин мудро завершил роман в стихах, оставаясь верным недосказанности как тайне занимательности. Онегина не будет в рядах декабристов. Об этом заявлено прямо: «**Без них** Онегин дорисован». Они – кто такие? «Иных уж нет, а те далече...» [7, с. 164, 163]. Но не потому, что этой миссии он не достоин или просто обстоятельства не сложились. Потому, что по сюжетному календарю событие еще не произошло и уже не произойдет! На последнее свидание с Татьяной Онегин едет еще в санях, но уже по талому снегу: это ранняя весна (конец марта или начало апреля) **1825 года**. Онегин дорисован «без них», но с памятью поэта «о них».

Смелость и своеволие Пушкина выходит из всяких границ. Но поэту и этого мало! Он (на всякий случай?) дублирует нецензурные фрагменты и сообщения. Такова криптограмма – запись особым способом, по крайней мере, начальных четверостиший ряда строф (расшифровки ныне печатаются под названием десятой главы). Перед отъездом из Болдина в 1830 году поэт набрасывает проект предисловия к двум заключительным главам, восьмой и девятой; тут есть заявление странное: «Вот еще две главы "Евгения Онегина" –

последние, по крайней мере, для печати...» [7, с. 459]. Зачем в предисловии, жанре публичном, объявлять о варианте «не для печати»? Но ведь это всего лишь проект, затерянный среди черновиков: кому до него дело? А Пушкин хранил многие черновики: не способ ли это общаться с потомками, кому это будет интересно?

И наконец, вариант строфы XXXVIII шестой главы, с отсылки к которой начался этот наш разговор. Здесь знаменитые имена соединены попарно. Для первой пары строка «В виду торжественных трофеев» звучит с горькой иронией: им-то лицезреть трофеи не довелось – русский фельдмаршал скончался после изгнания врага с полей Отечества, английский адмирал пал в сражении, доставившему Родине блестящую победу. Наполеон отмечен не за успехи полководца, а за страдания ссыльного, что и дает возможность поставить ему в пару русского страдальца «не славой, участью» не только равного, но превзошедшего знаменитого француза. И эта строфа адресована вниманию потомков! А ведь это новый эквивок в Сибирь!

Не будем подражать исследователям, которые высокомерно относятся к отброшенным черновым и предполагавшимся вариантам, рассуждая: мало ли что могло проходить через сознание автора, но что отброшено, то забраковано. Очень верно оценил движение романа и его сюжетный итог С.Г. Бочаров: «На его свершившийся сюжет мы можем посмотреть как на свершившуюся возможность, которая не исчерпывает всей реальности. Герои больше своей судьбы, и не сбывшееся между ними – это тоже какая-то особая и ценная реальность. И это **несбывшееся тоже входит в смысловой итог романа**. Оно присутствует здесь как особая тема, как прерывистая "другая линия"...» [1, с. 41].

Фиксация духовной близости пушкинского героя к декабристам ничего не прибавит и не убавит к пониманию движения декабристов. Внимание к потенциальным возможностям героя позволяет решать задачу увлекательную, рождающую чувство признательности поэту за его великолепное понимание

души человеческой и умение легким штрихом обозначить «бездну пространства» этой души.

Список литературы:

1. Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.
2. Гроссман Л. Пушкин. М.: Мол. гвардия, 1958. 525 с.
3. Кошелев В.А. Онегин и «гроза двенадцатого года» // Болдинские чтения. Нижний Новгород: Вектор-ТиС, 2004. С. 213-223.
4. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 1: Стихотворения, 1813-1820. 1977. 479 с.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 4: Поэмы. Сказки. 1977. 447 с.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. 1978. 527 с.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 6: Художественная проза. 1978. 575 с.
9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука. 1977-1979. Т. 10: Письма [1815-1837]: примеч. Л.Б. Модзалевского., И.М. Семенко. 1979. 711 с.
10. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ПД). Ф. 244. ПД 835.
11. Фризман Л.Г. Декабристы и русская литература. М.: Художественная литература, 1988. 304 с.

Сведения об авторе:

Никишов Юрий Михайлович – доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (Тверь, Россия).

Data about the author:

Nikishov Yuri Mikhailovich – Doctor of Philological Sciences, Professor,
Independent Researcher (Tver, Russia).

E-mail: yunik1932@mail.ru.